

**ВЕРНЕР
ХЕРЦОГ**

**КАЖДЫЙ
ЗА СЕБЯ,
А БОГ
ПРОТИВ
ВСЕХ.**

Перевод с немецкого
Ольги Асписовой и Елизаветы Соколовой
под редакцией Виктора Зацепина

Individuum
Москва, 2023

МЕМУАРЫ

УДК 82-94

ББК 63.3(4Гем)63

X39

Перевод этой книги осуществлен при поддержке

Гёте-Института.

Херцог, Вернер.

X39 Каждый за себя, а Бог против всех. Мемуары / Вернер Херцог ; [пер. с немецкого О. Асписовой и Е. Соколовой под ред. В. Зацепина]. — Москва : Индивидуум, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-6048295-6-1

Вернер Херцог — знаменитый немецкий режиссер, снимавший кино на всех шести континентах, путешественник, автор дневников, поэт и яркий независимый мыслитель. Его биографии хватило бы на семерых — в книге воспоминаний он рассказывает о первых озарениях, приключениях вокруг света, об укрощении неистового Клауса Кински, экстатической правде и трудном пути к творческой автономии. Херцог спускался в пещеры, снимал под антарктическим льдом, отправлялся в пустыни и на высокогорные ледники. «Каждый за себя, а Бог против всех» — книга, в которой автор путешествует во времени из послевоенного детства к нашим дням, заглядывая как в доисторическую эпоху, так и в весьма отдаленное будущее.

УДК 82-94

ББК 63.3(4Гем)63

Cover photograph by Clive Oppenheimer

© 2022 Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, München, 2022

© Ольга Асписова, Елизавета Соколова, перевод, 2023

ISBN 978-5-6048295-6-1

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
1. Звезды, море	13
2. Эль-Аламейн	15
3. Мифические герои	31
4. Летать	44
5. Фабий Максим и Зигель Ганс	54
6. На границе	60
7. Элла и Рудольф	73
8. Элизабет и Дитрих	83
9. Мюнхен	97
10. Встреча с Богом	116
11. Пещеры	121
12. Долина десяти тысяч ветряных мельниц	127
13. Конго	134
14. Доктор Фу Манчу	139
15. Джон Окелло	148
16. Перу	153
17. Privilegium maius, Питтсбург	163
18. NASA, Мексика	175
19. Pura vida	183
20. Танец на канате	194
21. Менгиры и загадка исчезающей клетки	211
22. Баллада о маленьком солдате	221
23. Рюкзак Чатвина	240
24. Арльшарте	255

25. Жёны, дети	265
26. В ожидании варваров	277
27. Несделанное	282
28. Истина океана	301
29. Гипноз	306
30. Негодяи	311
31. Превращение мира в музыку	327
32. Чтение мыслей	334
33. Медленное чтение, долгий сон	341
34. Друзья	347
35. Моя старушка-мама	352
36. Конец образов	353
<i>Фильмография</i>	357
<i>Оперные постановки</i>	369
<i>Благодарности</i>	373
<i>Указатель имен и названий</i>	375
<i>Указатель фильмов и книг</i>	381

*Энкиду вздохнул горько и речь держал:
«Гильгамеш, сторож в лесу не смыкает глаз».
Гильгамеш отвечал: «Где же тот человек,
Что сможет взобраться на небо?»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой фильм «Агирре, гнев божий» по первоначальному плану должен был закончиться так: когда плот испанских завоевателей достигает устья Амазонки, он завален мертвецами, выжил только говорящий попугай. В Атлантике плот снова попадает в сильное течение, и попугай начинает без остановки верещать: «Эльдорадо, Эльдорадо!» Только на съемках я изобрел гораздо более красивое решение: плот заполнили сотни крохотных мартышек, и Агирре что-то им проповедует о своей новой всемирной империи. Совсем недавно я натолкнулся на описание конца Агирре — исторически не подтвержденное, при том, что сам этот персонаж доподлинно существовал. Всеми покинутый, убивший собственную дочь, чтобы ей не пришлось видеть его позор, он приказал последнему соратнику, сохранившему верность, его расстрелять. Тот вскинул мушкет и выстрелил ему прямо в грудь. «Меня что, комарик покусал?» — воскликнул Агирре. И велел зарядить ружье снова. На этот раз верный соратник угодил ему в сердце. «Должно хватить», — проговорил Агирре и упал замертво.

Я несколько не сомневаюсь, что концовка фильма с обезьянами — самая красивая из всех возможных, но меня занимает вопрос, какие альтернативы были у меня самого, сколько было неиспробованных вариантов, не только в придуманных историях, но и в самой жизни, — вариантов, так и не воплотившихся в жизнь или реализовавшихся лишь многие годы спустя.

Заглавие этой книги я уже использовал однажды — для фильма о Каспаре Хаузере, — правда, мало кто его тогда пра-

வில்но воспринял. Попытаюсь снова. Может быть, такое название слишком уж выпячивает мою роль бойца-одиночки. В действительности вокруг меня всегда были люди — сотрудники, семья, женщины. И о них, за редкими исключениями, в этой книге не будет сказано ни слова. Все как один они были независимыми, сильными личностями, красивыми и умными людьми. И без них я был бы лишь тенью самого себя.

Однако сейчас меня занимает вопрос: куда человека (например, меня) может забросить судьба? Откуда в жизни берутся всё новые повороты? Многое, как я вижу, остается неизменным до конца — особое видение, никогда не покидавшее меня, а кроме того, чувство долга, преданность, смелость, как у хорошего солдата. Мне всегда хотелось удерживать аванпосты, поспешно покинутые другими. Сколько можно было знать наперед? Благодаря японскому солдату Хироо Оноде, сдавшемуся в плен только через двадцать девять лет после окончания Второй мировой, я узнал, что в вечернем свете можно увидеть яркий след от выпущенной в вас пули — как если бы она была трассирующей. Значит, можно заглянуть в будущее — хотя бы на один миг.

И вот я пишу эту книгу. Поднимаю глаза, потому что заметил, как за окном что-то вспыхнуло и несется прямо на меня, отливая медью и яркой зеленью. Но это не шальная пуля — это всего лишь колибри. И в этот момент я решаю прекратить, не писать дальше. Последняя фраза книги обрывается там, где я остановился сейчас.

1

Звезды, море

Около полудня женский плач прекратился. Некоторые кричали и рвали на себе волосы. Когда они разошлись, я пошел туда, к небольшому каменному зданию возле кладбища в деревне Хора-Сфакион на южном побережье Крита — если считать деревней горстку домов, разбросанных по крутым скалам. Мне было шестнадцать. В крошечном помещении для прощания не было двери. В полумраке комнаты я увидел двоих покойников: они лежали так близко, что даже соприкасались. Это были мужчины. Позже я узнал, что в ту ночь они убили друг друга; в этом отрезанном от мира, совершенно архаическом регионе по-прежнему действовал закон кровной мести. Я помню только лицо мертвеца справа. Оно было сизое, как цвет сирени, и уходило в желтизну. Из ноздрей у него торчали два раздувшихся комка ваты, пропитанные запекшейся кровью. Выстрел из дробовика угодил ему в грудь.

С наступлением ночи я вышел в море. Тогда я несколько ночей подряд подрабатывал на рыболовецком суденышке; скорее всего, это было за несколько дней до новолуния, поскольку луны было не видать. Бот вывез в море шесть лодчонок, которые здесь зовутся *lampades*, и каждой из них правил только один человек. Там нас, растянув примерно на километр, расцепили и оставили поодиночке. Море было гладкое, как стекло, никакой ряби, вода будто масло. И оглушительная тишина. На каждой лодке была большая карбидная лампа, чтобы освещать толщу воды. Свет привлекал рыбу, а особенно — каракатиц. Ловили их своеобразно. На конце лески был закреплен кусок светлой вощеной бумаги, размером и формой напоминавший сигаре-

ту. Это привлекало кальмаров, они хватали предполагаемую добычу своими присосками. Чтобы крепче зацепить кальмара, к концу светящейся приманки был прикреплен венчик из проволочных щетинок. И нужно было очень точно чувствовать, на какую глубину погружается приманка, потому что в момент, когда кальмар оказывался над поверхностью воды, он отпускал добычу и падал обратно в море. Поэтому последний отрезок лески нужно было тянуть рывком, чтобы кальмар одним махом перелетел через борт и шлепнулся на дно лодки.

Первые часы ночи прошли в неподвижном ожидании, пока в какой-то момент лампа, эта искусственная луна, не сработала. Надо мной был купол Вселенной, звезды — хоть руками хватай, и весь мир мягко качал меня в колыбели бесконечности. А подо мной в ярком свете карбидной лампы мерцали глубины океана, и небосвод словно сливался с ними в единый шар. Вместо звезд в глубине повсюду вспыхивали серебром мелкие рыбешки. И, оказавшись объят непостижимой Вселенной, где от каждого звука захватывает дух, — сверху, снизу, со всех сторон, — я испытал тогда неизъяснимое изумление. Я точно знал в тот момент, что здесь и сейчас мне стало ведомо все. Моя судьба была мне совершенно ясна. Я точно знал, что после той ночи мне едва ли грозит старость. Был совершенно уверен, что не доживу и до восемнадцати: ведь тому, кто озарен светом такой благодати, жить в обычном времени уже не дано.